SOOME-UGRI KIRJANDUS-KOHVIK

10 NEENETSI

Eesti Kirjandusmuuseumi folkloristika osakond
Отдел фольклористики Эстонского литературного музея

SOOME-UGRI KIRJANDUSKOHVIK

10

NEENETSI

Tartu 2024
EKM Teaduskirjastus
Научное издательство ЭЛМ

Koostajad ja toimetajad: Sergey Troitskiy, Nikolay Kuznetsov
Составители и редакторы: Сергей Троицкий, Николай Кузнецов

Keeletoimetaja / Языковой редактор: Asta Niinemets / Аста Нийнемец

Kommentaaride autorid: Eva Toulouze, Kaur Mägi
Авторы комментариев: Эва Тулуз, Каур Мяги

Kujundus / Дизайн: Sergey Troitskiy / Сергей Троицкий
Küljendus/Вёрстка: Sergey Troitskiy, Diana Kahre / Сергей Троицкий, Диана Кахре

Veebikujundus / Дизайн сайта: Andrus Tins / Андрус Тинс

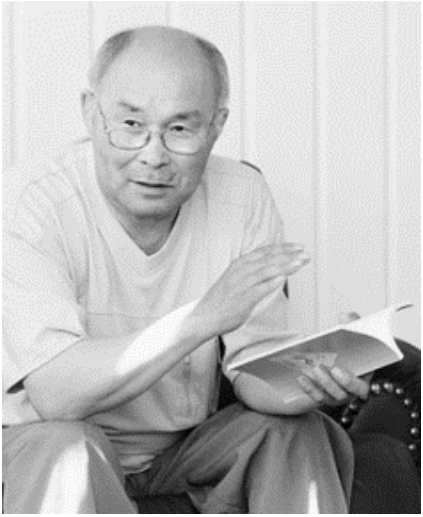
Veebilehekülg: https://www.folklore.ee/rl/fo/tegevus/sukk/SUKK10/

Projekti “Soome-ugri kirjanduskohvik (SUKK)” läbiviimist toetab Hõimurahvaste programm (HTM).

HÕIMURAHVASTE PROGRAMM

ISSN 3059-5630 (veeb / электронное издание)
ISBN 978-9916-742-25-9 (pdf / электронное издание)
ISSN 2806-3694 (trükis / печатное издание)
ISBN 978-9916-742-12-9 (trükis / печатное издание)

© Eesti Kirjandusmuuseum / Эстонский литературный музей 2024
© autorid ja tõlkijad / авторы и переводчики



Juri Vella (Juri Kõlevitš Aivaseda, 12.03.1948–12.09.2013) oli metsaneenetsi, handi ja vene luuletaja ja kirjanik. Ta sündis Handi-Mansi rahvusringkonna Varjogani külas. Rahvuselt oli metsaneenets. Lõpetas A. Gorki nim. Kirjandusinstituudi Moskvas. Vahetas mitmeid elukutseid: oli jahimees, kalamees, kala vastuvõtja, pottsepp, loomakasvataja, punakoja juhataja, internaatkooli kasvataja, külanõukogu esimees. Ta asutas Varjoganis etnograafilise vabaõhumuuseumi. Kirjutas vene, handi ja metsaneenetsi keeles. Vella töid avaldati ajakirjades „Урал“, „Север“, „Нева“, „Полярная звезда“, „Дружба народов“ ja ühiskogumikes. Vella on raamatute „Вести из стойбища“ (Uudised laagrist, 1991) ja „Белые крики“ (Valged hüüded, 1996) autor. 1997. aastal ilmus Moskvas esimene metsaneenetsikeelne ilukirjanduslik raamat – Juri Vella luulekogumik. Vella teoseid on tõlgitud saksa, prantsuse ja eesti keelde.

Юрий Вэлла (настоящее имя — Юрий Кылевич Айваседа; 12 марта 1948, Варьёган – 12 сентября 2013, там же) — ненецкий лесной, хантыйский и русский поэт, а также писатель. Родился в селе Варьёган Ханты-Мансийского НО. По национальности лесной ненец. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Сменил много профессий: был охотником, рыбаком, приемщиком рыбы, печником, звероводом, заведующим Красным чумом, воспитателем в интернате, председателем сельского Совета. Основал в Варьёгане этнографический музей под открытым небом. Писал на русском, хантыйском и ненецком лесном языке. Произведения Вэллы публиковались в журналах «Урал», «Север», «Нева», «Полярная звезда», «Дружба народов» и в коллективных сборниках. Юрий Вэлла – автор книг «Вести из стойбища» (1991) и «Белые крики» (1996). В 1997 году в Москве отдельным изданием вышла первая в истории художественная книга на ненецком лесном языке – сборник стихов Ю. Вэлла. Произведения Вэлла переведены на немецкий, французский и эстонский языки (Вэлла, Юрий — Википедия (wikipedia.org))

Юрий ВЭЛЛА

Няхаḍовш

1. Ванḍ петяḍ

(Аулихит намтмей)

Ӈамэм ӈайса,
Веша ӈэпуӈ мюня
Ше’евщесамы
Педчане’тяӈа.
Хэḍ муну’шанта
Пайӈаӈ пан нимня
Ḍювш таḍям-ӈэ
Кампулу чи’пчипи.
Монсок петяḍ
Лу’киӈ миḍюмана
Кэм’ камтупи’.
Немянта кынавс
Тяḍ’ таху’вонута:

– Лю-лю-лю-лю!
Понэ’ маншэтутэм,
Капиӈ тасаӈ маḍ
Татя кайвюӈатя

Лю-лю-лю-лю!
Нум тапатамы’,
Тяӈ тапатамы’
Тухуḍиня’ ӈамуḍкама’,
Тухуḍиня’ мечькама’.
Лю-лю-лю-лю!
Понэ’ маншетутэм,
Ня’на’ ватаӈ камы’
Щеḍ’ нихимя’ щеḍта’.

Лю-лю-лю-лю!
Хома’ ня’на’ комы’
Тятынḍами’ тёḍка’,
Кантяḍами’ ӈоту’,
Виви’ча’ ниḍинана’,
Виви’ча’ катанана’,
Пäӈ’ ниня шана’кота’,
Хома’ ӈай’туӈ тятынḍама’
Кун’нантуӈ нитя’ тыху’.

Лю-лю-лю-лю!
Ӈамыḍи щеḍкна
Тячумана мэхэма’…

Juri VELLA

Neenetsi triptühhon

1. Iidsest laulust
(mis on kunagi kuuldud Aulilt)

Mis võiks olla:
Rauast hällis
Seitsmekeelne,
Kõht paljas, pikali.
Hall habe
Üle voodiserva
Tõstab tolmu
Luuana.
Poolest persest
Voolab verd.

Ema hällilaul:
Lü-lü-lü-lü!
Aina öeldud,
Võõra jäsemed
Olgu meile pühad need.

Lü-lü-lü-lü!
Maa on määranud,
Taevas määranud,
Tõuke neelame,
Tõuke närime.

Lü-lü-lü-lü!
Aina öeldud,
Suguvõsa nõue see,
Muud ei tee.

Lü-lü-lü-lü!
Nende leitud
Rajalooked,
Jahirajad
Tarkadele taatidele,
Tarkadele memmedele,
Mängivad kes asemel,
Jalarajad jalgadele
Ärgu iial rohtugu!

Lü-lü-lü-lü!
Igas asjas
Olgem kuulekad…

Tõlkinud Arvo Valton
(Vella 2009: 7–8)

eesti (reaalune tõlge)

Juri VELLA

Neenetsi triptühhon

1. Iidsest laulust
(mis on kunagi kuuldud Aulilt)

mis see küll olgu
raudse halli sees
seitsmekeelne
alasti pikutab
tema valge habe
aseme serva pidi
luua kombel
paneb purusid lendama
kintsust
noolehaava kaudu
veri voolab
tema ema laul
kõlab kui nutt

lju-lju-lju-lju
olen alati öelnud
handi *tasa* ots
olgu puutumatu

lju-lju-lju-lju
taeva poolt määratud
maa poolt määratud
tõugukesi söögem
tõugukesi närigem

lju-lju-lju-lju
olen alati öelnud
meie esiisade sõnadele vastu
asju ärgem tehkem

lju-lju-lju-lju
meie heade esiisade leitud
radade looked
nende jahirajad
meie tarkade vanaisade
meie tarkade vanaemade
aseme peal mängivate
heade esivanemate rajad
ärgu iialgi rohtugu

lju-lju-lju-lju
kõigis asjades
tehkem sedamoodi…

Tõlkinud Eva Toulouze

Yuri VELLA

Triptyque nénètse

1. Ancienne chanson
(dite par Aouli)

Pour que cela (pour moi) puisse être,
Dans le récipient du berceau en fer
Celui à sept langues (le monstre Ylpi)
Le ventre nu est couché.
(Sa) barbe grise
À travers le bas du lit
Comme un balai épousseteur
Absorbe (balaye) le grains de poussière.
D'une moitié de son derrière
(À travers) la blessure d'une flèche
(Beaucoup de) sang coule.
(Sa) mère chante une berceuse:
– Liou, liou, liou, liou!
Je te l'ai toujours dit
Que l'extrémité des perches de l'éntranger
Soit pour toi tabou!
liou, liou, liou, liou!
Il a été prédisposé par le ciel
Il a été prédisposé par la terre
Que nous ne mangions que des larves (de mouches)
Que nous ne grignotions et ne savourions que des larves.
Que le nœuds des sentiers
Que le pistes de chasse ne se couvrent pas de végétation.
Découverts par eux,
Pour les grands-pères raisonnables,
Pour les grands-mères raisonnables,
Qui jouent sur ce lit là-bas,
Que jamais ils ne se couvrent de végétation.
Liou, liou, liou, liou!
Que nous soyons obéissants
Dans tout ce que nous faisons…

Tõlkinud Eva Toulouze
(Vella 2011)

VELLA Juri

Nyenyec triptichon

Mondatoredék
(Aulitól hallottam)

Mi történt hát velem,
Vasbölcső belsejében
Hétnyelvű szörnyeteg
Fekszik meztelenül, tátott szájjal.
Ősz szakálla
A fekhely fölött
Söprűhöz hasonlóan
Szemetet söpör.
Fél seggének
Nyíl vágta sebéből
Vér folyik.
Anyja dala
Sírással keveredik:

– Lju-lju-lju-lju!
Mindig mondtam,
Bennszülött evezőjének hegyét
Érinteni legyen nekünk tilos.
Lju-lju-lju-lju!
Ég istene nekünk meghatározta,
Föld nekünk meghatározta,
Hogy csak légypetét együnk,
Légypetét rágcsáljunk.
Lju-lju-lju-lju!
Mindig mondtam,
Barátaink tanácsaink kívül
Más dolgokat nem végzünk.
Lju-lju-lju-lju’
Ha vétkünk folytán valami történik velünk,
Őseink lelte jó ösvények
És vadászjáratok,
Bölcs nagyapánké,
Bölcs nagyanyánké,

Másik fekhelyen játszók
Jó lába taposta ösvények
Soka ne tűnjenek el.
Lju-lju-lju-lju!
Minden dolgunkban
Egyetértésben éljünk...

Tõlkinud János Pusztay
(Vella 2004)

Юрий ВЭЛЛА

Ненецкий триптих

1. Из древней песни

(Услышанное от Аули)

Что бы это означало,
В глубине железной люльки
Чудище Семиязыкий
Голопузо возлежит.
А седая бородища
Свесилась на пол
Подобно
Подметалищу-метле,
Дабы замести соринки.
Из огромной стрельной раны,
Что в ползадницы зияет,
Много крови пролилось.
Мать поёт ему усердно
Колыбельную свою:

– Лю-лю-лю-лю!
Ведь не раз я говорила:
Инородца оконечность
Будет пусть для нас священна.

– Лю-лю-лю-лю!
Предназначено нам Небом,
Предназначено Землёй
Лишь одни личинки кушать,
Лишь личиночки смакуя!

– Лю-лю-лю-лю!
Ведь не раз я говорила,
Наставленья наших предков
Нужно точно выполнять.

– Лю-лю-лю-лю!
Нам они поотыскали
Петли пешеходных тропок,
Да охотничьи дороги.
Для разумных бабушек,
Для разумных дедушек,
Что давно заснули в люльках,
Пусть же древние тропинки
Никогда не зарастают
Ни травой, ни мхом.

– Лю-лю-лю-лю!
Помни, что в делах любых
Надо быть всегда послушным.

Tõlkinud V. Širokov
(https://stihi.ru/2020/12/14/1803)

vene (reaalune tõlge)

Юрий ВЭЛЛА

Ненецкий триптих

1. Из древней песни

(Когда-то слышано от Аули)

Что бы это (для меня) могло быть,
Во вместилище железной люльки
Семиязыкий (чудовище Ыльпи)
Голопузо возлежит.
Седая борода (его)
Через подол постели (с подола постели)
Подобно подметалищу-метле
Соринки вздымает (сметает).
Из половины задницы (в ползадницы)
(Сквозь) рану стрелы
(Много) кровей проливаются.
(Его) Матери колыбельная песня:
-Лю-лю-лю-лю!
Всегда (я) выговаривала (тебе),
Инородца оконечность вешалов
Пусть для нас будет священной (запретным табу)
Лю-лю-лю-лю!
Небом предначертано (предназначено),
Землей предначертано (предназначено)
(Пусть только) личинки (мух) (будем) кушать,
(Пусть только) личинки (мух) (будем) обгладывать (смакуя).
Лю-лю-лю-лю!
Всегда (я) выговаривала (тебе) –
(Прошлых) Родственников (наших) настояний
Иные дела не будем совершать.
Лю-лю-лю-лю!
Ими отысканные (проложенные)
Пешеходных троп петли,
Охотничьи дороги пусть не спутаются (не зарастут).
(Для) Разумных дедушек,
(Для) Разумных бабушек,
Что (вон) на тех постелях играют,
Пешеходные тропы для их милых ног

Пусть никогда не припорошатся (зарастут травой, мхом).
Лю-лю-лю-лю!
Во всяких делах (своих)
(Давайте) будем послушными...

(https://stihi.ru/2020/12/14/1803)

minu (ema)keeles

Juri VELLA

Tõlkinud

Kommentaar (Eva Toulouze)

Juri Vella – metsaneenetsi luuletaja…

Juri Vella (1948–2013) on siiamaani ainus metsaneenetsi kirjanik. Mõlemad terminid – metsaneenets ja kirjanik – oleksid tema silmis ühtviisi kahtlased ja kindlasti ei võta kumbki täiel määral kokku tema identiteeti. Metsaneenetsid on rahvakild, mis elab Lääne-Siberi tasandikul ja mille olemasolu avastati suhteliselt hilja, 19. sajandi teises pooles. Asi on selles, et nad elavad Obi lisajõgede ja Puri jõe ülemjooksudel, kaugetel soistel aladel, kuhu pääseda oli vaevaline; 20. sajandi alguskümnenditel elatusid nad seal küttimisest, kalapüügist ja põhjapõdrakasvatusest. Puhtalt metsaneenetsi alasid õieti pole: nad elavad läänepoolsetel aladel koos põhjahantide, ida pool idahantide või siis põhjas (kuidagi hõredamalt) koos tundraneenetsitega. Hantidega on kooselu nii pikk olnud, et esimesed uurijad tuvastasid eksogaamia reeglid, mis ulatusid handi klannideni (Verbov 1936). Juri Vella ise oli sündinud Varjogani küla läheduses, ehk siis idapoolsetel aladel, kus põliselanike hulgas domineerisid nn Surguti handid. Geneetiliselt ja keeleliselt, pole kahtlustki, oli Juri Vella metsaneenets, nii nagu ka tema isa Kõli ja ema Ateny. Lääne-Siberis pole keeleline identiteet siiski otsustav kriteerium inimese kuuluvuse määratlemisel, nii imelik kui see eestlastele ka ei tunduks. Olulisem oli ja on ka tänapäeval põliselanikuks olemine, põliselaniku eluviis, nii et olulisem piir jookseb nende ja venelaste vahel, täpsemalt nende ja selliste inimeste vahel, kes, ükskõik, mis nende ametlik rahvus on, on vastu võtnud vene elu- ja mõtlemisviisi ning kasutavad suhtluskeelena vene keelt, ehk *lutsade* vahel (metsaneenetsi keeles *Lusa*). Tihti, kui Juri Vella rääkis sugulastest, avastasime oma üllatuseks, et neil oli handi klanninimi. Jah, Juri Vella oli metsaneenets, aga tema identiteeditaju oli palju laiem. Samamoodi oli ka kirjaniku mõistega. Juri kahtlemata kirjutas ja see tegevus muutus viimastel eluaastatel eriti oluliseks, sest aina selgemini sai ta aru, et sõna ongi tema eriline relv. Aga ta oli ka väga palju muud: kindlasti oleks ta enda määratlemisel esikohale tõstnud mõiste „põhjapõdrakasvataja“. Nimelt põhjapõdrakasvataja oligi see identiteet, mida ta oli ise küpses eas endale valinud, siis kui ta 1990-ndate alguses oma ametlikust tööst kütina lahti ütles, et osta põtru ja hakata metsas nn traditsioonilist elu elama, pannes enda elu ja mõtete keskmesse just põhjapõtrade heaolu. Sageli on kombeks teda lühidalt esitledes öelda, et ta oli luuletaja, põhjapõdrakasvataja ja põliselanike õiguste eest võitleja, aga see kolmas identiteet vaid tulenes teisest: ta võitles selleks, et tema põhjapõdrad saaksid elada nagu kord ja kohus.

Siin siiski huvitab meid eelkõige tema kirjaniku-identiteet ning oleme siin, et avada selle identiteedi mõnda tahku. Eestlastele väga aruasaamatul viisil kirjutas metsaneenetsi kirjanik oma teostest valdava osa vene keeles. Seda seletas ta oma kolmanda kogumiku eessõnas: metsaneenetsi keeles kirjutada pole paslik, sest metsaneenetsite kunstipärast keelt pole enam olemas. Juri Vellal oli sellest keelest aimu, sest vanaema Nengi jutustas talle muinasjutte seda keelt kasutades – kuigi, olles teadlik, et laps polnud sellega harjunud, alustas ta alati kokkuvõttega tavakeeles. Mis see erinevus on? Me ei ütleks, et on kaks erinevat keelt – sõnad, grammatiline süsteem palju ei erine aga register on

omapärane. Metsaneenetsi kunstilist keelt iseloomustab metafoorilisus, sümboolsus. Seega meenutab see samojeedide hulgas eksisteerivaid teisigi rahvaluule žanre, näiteks praktiliselt välja surnud *kejngersja* nganassaanide juures - eneseväljenduse viis, mida kasutas noormees tüdrukut kosides, ning tüdruk vastas talle samade reeglite järgi. Juri Vella oli keele sellest registrist teadlik, aga ta ei osanud seda vabalt kasutusele võtta. „Kuidas sa kirjutad luuletusi samas keeles mida sa kasutad puudest või rahast rääkimiseks?“ kommenteeris ta. Nii et variandiks, mis ei puudutanud nii sügavalt keelest vallandatud emotsioone, oligi vene keel, hariduse keel, kirjakultuuri keel, mingil määral tema teine emakeel. Hiljem lisandus sellele põhjusele teine, valdav - Juri Vella jaoks muutus elu lõppjärgus kirjasõna võitlusrelvaks, eesmärgiga seletada lahti isandatele seda kurja, mida nad oma teadmatuses ellu viivad, ja püüda selle tagajärgesid minimeerida.

Juri Vella venekeelne, kuid mitte venemeelne luule on suhteliselt hästi tuntud. Paljud lugejad Venemaal peavad seda imelikuks, sest see on lihtne, liiga vähe „kirjanduslik”. Aga paljudele, just nendele, kes on kaugel vene tavaarusaamast kirjandusest, mõjub just see lihtsus võimsalt. Eesti keeldegi on seda tõlgitud, koguni kahes kogumikus: *Räägi minuga* ning *Järvetuul*, viimane koosneb valdavalt proosateostest. Luule ja proosa vahel ma siiski nii suurt vahet ei teeks nagu me oleme harjunud tegema. Vella juures, nagu ka paljudel teistel põhjarahvaste kirjanikel (vaata mansi autor Juvan Shestalov) lähevad žanride piirid sassi: nad kirjutavad poeetilist proosat ja vaba, sageli jutustavat luulet.

Siiski oli Juri Vella loomingus ka mõni neenetsikeelne luuletus. Tema selline omakeelne looming intensiivistus tema elu viimastel aastatel, ning ta kirjutas siis erinevaid neenetsikeelseid tekste. Mis koht on neil Juri Vella loomingus?

Pakun välja, et Juri kasutas neenetsikeelset luuletamist kui eksperimenti. Kas on võimalik ka neenetsi keeles luuletada nagu vene keeleski? Nii sündis *Lume*-nimeline luuletus Хыԥа, mille kohta kommenteeris Juri Vella ise humoorikalt: „Tundub, et see on neenetsi keel, on ju? Tegelikult on puhas vene keel!“ Muidugi, tehniliselt on luuletus tõesti neenetsi keeles, aga rütm jäljendab venekeelset luulet, nii et see märkus on vähemalt esteetiliselt õigustatud. Teise luuletuse juures on samuti eksperimenteerimise maik - see on neenetsikeelne variant iidsest valmist rongast ja rebasest, mis esineb juba Phaedruse ja Aisopose juures, enne kui La Fontaine ja hiljem Krõlov selle ette võtsid. Ilmselgelt sai Vella inspiratsiooni just vene luuletajalt. Aga see ka on mäng, pastišš. Siinkohal esitame kolmanda katse, mis oli Jurile eriti südamelähedane. Selle luuletuse nimi on *WanL p’ejaL*, ja nagu see nimi ise vihjab, tegu on fragmendiga nn *wanl’ist. WanL* on metsaneenetsi žanrisüsteemi järgi jutustus, mis sarnaneb meie muistendile. Ehk siis tegu on õpetliku jutustusega, millel on – või kunagi oli – tõepõhi all. Kui palju, selle kohta jutustajate taju võib varieeruda sõltudes jutustamise ajast ja jutustaja isikust, tema kuuluvusest erinevatesse põlvkondadesse. On selge, et mõned lood, mis kunagi olid *wanLid* on tänapäevaks liikunud muinasjuttude kategooriasse - maagilise mõtlemisviisi kahanemisega kaob ka loo usutavus. Siin on tegemist ainult fragmendiga. Selle infoga vihjab Vella sellele, et on laiem jutu voolamise voog, millest ta toob välja ainult osa. Tegu on looga, mida Vella on kuulnud oma naabrilt, vanalt Aulilt, kes oli hea metsaneenetsi kultuurikandja. Kogu loo tervikuna on Vella meile rääkinud, aga ta ise oli kirja pannud ainult loo ühe osa, mis erineb ülejäänud narratiivist oma luulelisuse poolest.

Kui oluline oli Juri Vellale metsaneenetsi keel? Küsimus on õigustatud, sest ta ei õpetanud seda oma lastele – kes ka nende ema keelt, handi keelt, ei osanud – ja ta kasutas seda kirjakeeles harva. Peame esiteks meelde tuletama, et kaua ignoreeritud metsaneenetsi keelel polnudki mingit kindlat, kinnitatud kirjavormi. Keele enda kohta oli vähe teada ajal, mil põhjarahvastele kirjakeeli vormistati ehk 1932 aastaks. Etnograafid ja lingvistid tuvastasid sugulussidemeid tundraneenetsi keelega, kuid väide, et metsaneenetsi keel on pelgalt murre, ei võta arvesse tõsiasja, et vastastik arusaamine mõlema neenetsi keele rääkijate vahel on välistatud. Nii et kooliõpikud metsaneenetsi lastele mõtlesid välja õpetajad, ning tavaliselt nad ei vastanud sellele keelele, mida õpilased kasutasid, tekitades veel suuremat segadust. Siiski tundis Juri Vella asja vastu nii palju huvi, et ta võttis 1990-ndate alguses ette metsaneenetsikeelse lehe loomise. Selles järgis ta oma onu Leonid Ajvaseda eeskuju, kes oli 1990-ndate alguses kirjutanud metsaneenetsi keeles ühe erilisa kohalikus venekeelses lehes. Juri nimetas oma lehte „Meie elu“ (*Tilhivsama)*, ja avaldas kaheksa numbrit. Ta tegi seda ajalehte üksi – pani sisse proosatekste kohalike uudistega, luuletusi, joonistusi, fotosid, küljendas ja ise ka trükkis. Siin ilmus esmakordselt ka tänane luuletus. Päras 8-t numbrit Juri Vella väsis - ta avastas, et lehel oli ainult üks lugeja - naabrimees Ojsja tütar Alla, kellest hiljem sai teise olulise metsaneenetsi kultuurikandja Tatva naine. Ja tema neenetsikeelsed katsetused jäidki sinnapaika. Arvatavasti uuenes see huvi meie tulekuga, 2000-ndate alguses. Eesti taustaga teadlased hindasid oma keelt kõrgelt ja väljendasid huvi selle ja teiste keelte vastu, mis oli uus kogemus Juri Vella jaoks – ta oli ju harjunud tavapärase halvustava suhtumisega kohalikku „primitiivsesse“ keelesse ja see, et just välismaalased väljendasid selle vastu huvi ja austust, pani sügavalt mõtlema.

Et ta ise oli sel teemal mõtisklenud, tuli ilmsiks, kui ta käis Hantõ-Mansiiskis, ringkonna pealinnas kandideerimas novembris 1999 a. kirjanike liitu. Ta pidi esitama oma loomingut ja ta valis ainult metsaneenetsikeelsed luuletused, mida muidugi keegi žüriis sugugi ei mõistnud. Sellega saatis ta oma sõnumi ja ta enda autoriteet oli juba piisavalt kindel, et teised kirjanikud, suures osas venelased, ei julgenud sõnagi kosta.

Millal ja milleks Juri Vella oma keelt kasutas? Lähedastega kõige sagedamini kasutatud keel oli muidugi vene keel. Ainult salajase jutu rääkimiseks läks ta naisega handi keelele üle. Üksnes emaga suhtles ta vahel oma keeles. Kui me käisime tema laagris olid ta vanad naabrid ammu surnud – nemad õpetasidki talle põhjapõdrakasvatust, ja süvendasid tema teadmisi metsaneenetsi keelest ja kultuurist. Hiljem leidis ta veel ühe vestluskaaslase – Tatva Logany, kellega ta sai rõõmuga vestelda oma keeles ja kellega ta sai seda ka arendada, sest Tatva rääkis teist murret, kuid Tatva elas 1000 km kaugusel, metsaneenetsite ala läänepoolses servas, Num-to kandis. Aga oluline osa Juri Vella neenetsikeelsest rääkimisest oli suhtlus jumalatega. Nimelt viis Juri Vella perekonnapeana sageli läbi ohverdusi ja ta jumalate poole pöördus alati vaid neenetsi keeles. Meil on üks palve lindistatud, kui ta viis meie toodud ohvriande pühakohale ja kutsus jumaluste tähelepanu meie headele soovidele. Ta pöördus mitme jumaluse poole ja seda ta tegi ka paar kuud enne surma, ühe konverentsi järgsel üritusel, kus pidutsesid koos metsas mitu handi ja neenetsi aktivisti koos venelastega. Viimaste ülbusest väsinuna palusid teised põliselanikud, suures osas handid, Juril palvetada. See tagasihoidlik tseremoonia

ei paistnud teistele välja, kes lihtsalt lõbutsesid ja jõid. Aga kuigi tema taga seisvad inimesed olid enamjaolt handid, palvetas ta ikkagi metsaneenetsi keeles.

Kirjutades toetus Vella üksnes oma mälule. Osaliselt on see luuletus rahvaluule, aga ta on Vella poolt kirja pandud ja fikseeritud. Seda dimensiooni tema elust ja loomingust tahtsimegi siinkohal tutvustada. Oma eluloos kirjutas ta: „Ma teen ka tänapäeval kaht asja: karjatan põhjapõtru ja fikseerin rahvaluulet, minu rahva praeguse kultuuri taseme peeglit, et sellesse peeglisse saaks igaüks piiluda. 2000. aastal mind võeti vastu Venemaa Kirjanike Liitu“.

Комментарий (Эва Тулуз)

Юрий Вэлла – писатель из лесных ненцев…

Юрий Вэлла (1948–2013) до сих пор остаётся единственным писателем лесных ненцев. Оба термина – лесной ненец и писатель – в его глазах были бы одинаково сомнительны, и уж точно ни один из них не отражает в полной мере его идентичность. Лесные ненцы – народ, живущий на западносибирской равнине, о существовании которого стало известно сравнительно поздно, лишь во второй половине XIX века. Дело в том, что они проживают в верховьях притоков рек Оби и Пур, в труднодоступных болотистых местах; в первые десятилетия XX века источником их пропитания были охота, рыболовство и оленеводство. Территорий, где проживали бы только лесные ненцы, в общем-то и нет: на западе они живут вместе с северными хантами, на востоке – с восточными хантами, а на севере (более спорадически) – с тундровыми ненцами. Их сосуществование с хантами было настолько долгим, что первые исследователи выявили правила экзогамии, восходящие к хантыйским кланам (Вербов 1936). Сам Юрий Вэлла родился недалеко от деревни Варьёган, т. е. в восточном регионе, где среди коренного населения преобладали так называемые сургутские ханты. Генетически и лингвистически Юрий Вэлла несомненно был лесным ненцем, как и его отец Кыли и мать Атены. Однако в Западной Сибири язык не является решающим критерием для определения идентичности, как бы странно это ни казалось эстонцам. Происхождение и образ жизни коренного жителя были и остаются более значимыми, поэтому важнее граница, пролегающая между ними и русскими, точнее, между ними и людьми, которые, независимо от их официальной национальности, приняли русский образ жизни и мышления и используют для общения русский язык, т. е. луцами (луса на языке лесных ненцев). Часто, когда Юрий Вэлла рассказывал о своих родственниках, мы с удивлением узнавали, что они носили названия хантыйских кланов. Да, Юрий Вэлла был лесным ненцем, но его ощущение идентичности было гораздо шире. Так же было и с понятием писатель. Юрий писал, и это занятие стало особенно важным в последние годы его жизни, когда он всё больше осознавал, что слово является его особым оружием. Но он был кем-то гораздо большим, чем просто писателем: определяя себя, он наверняка поставил бы на первое место понятие оленевод. Оленевод – та идентичность, которую он выбрал для себя в зрелом возрасте, когда в начале 1990-х годов бросил работу охотника, чтобы купить оленей и начать жить т. н. традиционной жизнью в лесу, поставив благополучие оленей в центр своей жизни и мыслей. Часто его представляют как поэта, оленевода и борца за права коренных народов, но эта третья идентичность была лишь следствием второй: он боролся за то, чтобы его олени могли жить так, как им положено.

Однако нас интересует прежде всего его идентичность писателя, и мы попытаемся приоткрыть некоторые аспекты этой идентичности. Это может быть очень непонятным для эстонцев, но лесной ненецкий писатель написал большинство своих произведений на русском языке. Он объяснил это в предисловии

к своему третьему сборнику: не стоит писать на лесном ненецком языке, поскольку художественного языка лесных ненцев больше не существует. Юрий Вэлла имел представление об этом языке, потому что бабушка Ненги рассказывала ему сказки на нём, хотя, понимая, что ребёнок к нему не привык, она всегда начинала своё повествование с краткого пересказа на обычном языке. В чем же разница? Это не то, чтобы два разных языка – слова и грамматический строй не сильно отличаются, но регистр своеобразный. Художественному языку лесных ненцев характерна метафоричность, символизм. Поэтому он напоминает другие фольклорные жанры самодийцев, такие как практически исчезнувшая кейнгерся у нганасан – способ самовыражения, который использовал юноша, делая предложение девушке, а девушка отвечала ему по тем же правилам. Юрий Вэлла знал об этом регистре языка, но не знал, как им пользоваться. «Как можно писать стихи на том же языке, на котором вы говорите о деревьях или деньгах?» – комментировал он. Поэтому вариантом, который не так глубоко затрагивал эмоции, высвобождаемые языком, был русский – язык образования, язык письменной культуры, в какой-то степени его второй родной язык. Позже к первой добавилась ещё одна, основная причина: для Юрия Вэллы к концу его жизни печатное слово стало оружием борьбы, оружием, с помощью которого он объяснял господам, какое зло они творили по своему невежеству, и пытался минимизировать последствия этого зла.

Поэзия Юрия Веллы на русском языке, но не прорусская, относительно хорошо известна. Многим читателям в России она кажется странной, потому что она проста и слишком «нелитературна». Но на многих, особенно тех, кто далёк от обычного понимания литературы, именно эта простота оказывает сильное воздействие. Стихи Юрия Вэллы переведены и на эстонский язык, причём в двух сборниках – «*Räägi minuga*» (Поговори со мной) и «*Järvetuul*» (Озёрный ветер), при этом последний состоит в основном из прозы. Однако я бы не стала делать столь большого различия между поэзией и прозой, как мы привыкли это делать. У Вэллы, как и у многих других северных писателей (ср. с мансийским автором Юваном Шесталовым), границы между жанрами размыты: они пишут поэтическую прозу и свободную, зачастую повествовательную поэзию.

Однако в творчестве Юрия Вэллы есть и несколько стихотворений на ненецком языке. Эта часть его творчества усилилась в последние годы его жизни, когда он стал писать различные тексты на ненецком языке. Какое место они занимают в творчестве Юрия Вэллы?

Я предполагаю, что для Юрия стихи на ненецком языке были экспериментом. Можно ли писать стихи на ненецком языке так же, как и на русском? Так родилось стихотворение «Хыда» (Снег), о котором сам Вэлла с юмором сказал: «Кажется, это ненецкий язык, так ведь? На самом деле чистый русский!». Конечно, формально стихотворение действительно написано на ненецком языке, но ритм подражает русской поэзии, так что замечание, по крайней мере, эстетически оправдано. Второе стихотворение тоже имеет привкус эксперимента – это ненецкий вариант древней басни о вороне и лисе, которая встречается ещё у Фадра и Эзопа, до того как её подхватили Лафонтен и затем Крылов. Вэлла явно вдохновился русским поэтом.

Но это тоже игра, пастиш. И здесь мы представляем третий эксперимент, который был особенно близок сердцу Юрия. Стихотворение называется Ванд петяд и, как следует из названия, представляет собой фрагмент т. н. ванд – повествования в жанровой системе лесных ненцев, подобного сказанию. Иными словами, это дидактический рассказ, имеющий или же когда-то имевший под собой реальное основание. Сколько в нём правды, может зависеть от времени повествования и личности рассказчика, его принадлежности к определённому поколению. Очевидно, что некоторые истории, которые когда-то были ванд, к настоящему времени перешли в разряд сказок – по мере сокращения магического образа мышления уменьшается и правдоподобность истории. В данном случае мы имеем дело лишь с фрагментом. Этим Вэлла намекает на существование более широкого потока повествования, а он выделяет лишь часть его. Эту историю Вэлла услышал от соседа, старого Аули, который был прекрасным носителем культуры лесных ненцев. Вэлла рассказывал нам всю историю, но сам он написал только одну её часть, отличающуюся от остального повествования своей поэтичностью.

Насколько важен был язык лесных ненцев для Юрия Вэллы? Вопрос обоснованный, ведь Юрий не научил ему своих детей, которые не знали и родного языка своей матери, ханты, и редко использовал его в письме. Во-первых, следует напомнить, что язык лесных ненцев, которым долго пренебрегали, не имел твёрдой письменной формы. К моменту создания литературных языков для северных народов, т. е. к 1932 году, о самом языке было мало что известно. Этнографы и лингвисты выявили родство с тундровым ненецким языком, но утверждение, что лесной ненецкий – это всего лишь диалект, игнорирует тот факт, что взаимопонимание между носителями двух ненецких языков невозможно. Школьные учебники для детей лесных ненцев разрабатывались учителями и, как правило, не соответствовали языку, на котором говорили ученики, что создавало ещё бóльшую путаницу. Однако Юрий Вэлла настолько заинтересовался этим вопросом, что в начале 1990-х годов создал газету на лесном ненецком языке. В этом он последовал примеру своего дяди Леонида Айваседы, который в начале 1990-х годов сделал приложение к местной русскоязычной газете на языке лесных ненцев. Юрий назвал свою газету «*Tilhivsama*» (Наша жизнь) и выпустил восемь номеров. Он делал это один, включая прозу с местными новостями, стихи, рисунки, фотографии, сам верстал и печатал. В этой же газете впервые было опубликовано сегодняшнее стихотворение. К 8-му номеру Юрий Вэлла устал – он обнаружил, что у газеты был всего один читатель – дочь его соседа Ойси, Алла, которая впоследствии стала женой другого видного деятеля культуры лесных ненцев Татвы. На этом его эксперименты с ненецким языком были завершены. Вероятно, этот интерес возобновился с нашим появлением, в начале 2000-х годов. Исследователи из Эстонии высоко ценили свой язык и проявляли интерес к нему и другим языкам, что было новым опытом для Юрия Вэллы, ведь он привык к презрительному отношению к местному «примитивному» языку, и тот факт, что именно иностранцы проявляли к нему интерес и уважение, заставил его глубоко задуматься.

То, что он думал на эту тему, стало ясно, когда в ноябре 1999 года он поехал в столицу округа Ханты-Мансийск, чтобы вступить в Союз писателей. Ему нужно было представить своё творчество, и для этого он выбрал стихи только на лесном ненецком языке, который, конечно же, никто в жюри не понимал. Этим он передал своё послание, а его собственный авторитет был уже достаточно высоким, чтобы другие писатели, в основном русские, не осмелились сказать ни слова.

Когда и для чего Юрий Вэлла использовал свой язык? Чаще всего с близкими людьми он говорил, конечно же, на русском. Только в тайных беседах с женой он переходил на ханты. И лишь с матерью он иногда общался на своём родном языке. К тому времени, когда мы побывали в его стойбище, его старые соседи уже давно умерли – именно они научили его оленеводству и углубили его знания о языке и культуре лесных ненцев. Позже он нашёл ещё одного собеседника, Татву Логаны, с которым с удовольствием общался на своём языке и с которым мог его развивать, потому что Татва говорила на другом диалекте, но Татва жил за 1000 км, на западном краю территории лесных ненцев, недалеко от Нум-то. Важной частью ненецкого языка Юрия Вэллы было общение с богами. Как глава семьи, Юрий часто совершал жертвоприношения и всегда обращался к богам на ненецком языке. У нас есть запись одной молитвы, когда он отнёс наши подношения в святилище и обратил внимание божеств на наши добрые пожелания. Он обращался к нескольким божествам, и сделал это также за несколько месяцев до своей смерти, на мероприятии после конференции, где несколько хантыйских и ненецких активистов пировали в лесу вместе с русскими. Устав от высокомерия последних, коренные обитатели, в основном ханты, попросили Юрия помолиться. Эта скромная церемония не удостоилась внимания остальных, которые просто веселились и пили. Но несмотря на то, что люди, стоявшие за его спиной, были в основном ханты, он всё равно молился на языке лесных ненцев.

Когда Вэлла писал свои произведения, он полагался исключительно на свою память. Данное произведение отчасти фольклорное, но записано и зафиксировано Вэллой. Именно этот аспект его жизни и творчества мы хотели представить здесь. В своей биографии он писал: «Сегодня я по-прежнему занимаюсь двумя вещами: пасу оленей и записываю фольклор – зеркало нынешнего уровня культуры моего народа, чтобы каждый мог заглянуть в это зеркало. В 2000 году меня приняли в Союз писателей России».

Kommentaar (Kaur Mägi)

Tänase metsaneenetsikeelse luuletuse nimeks on Juri Vella ise pannud „WanL pejaL“ ehk maakeeli „Katkend *wanL*'ist“. *WanL* on üks kahest jutustavast žanrist metsaneenetsi traditsioonis, mis, nagu mitmed jutustajad meile on seletanud, annavad edasi sündmusi, mida vähemalt omal ajal peeti tõestisündinud lugudeks. Tegemist on üldjuhul juttudega, mis selgitavad näiteks kohanimede tekkelugu või kirjeldavad muid inimeste elu puudutavaid aspekte. Tihti on nendes lugudes ka mingi õpetlik iva, mida ühel korralikul neenetsil tasub kõrva taha panna. Teine pikemate lugude žanr on šotp'aws, mida eesti keeles võiks kutsuda muinasjutuks. Need on lood, mis metsaneenetsite selgituste kohaselt on välja mõeldud, mida päriselt pole toimunud. Aja jooksul on nende kahe žanri piirid tugevasti hägustunud ja tihtipeale lõpetavad jutustajad tänapäeval oma loo, öeldes: „On see nüüd *wanL* või on see šotp'aws, lihtsalt üks lugu inimeste elust.“ Kui Juri Vella Tartus viibides meile kogu täna käsitletava loo ära rääkis, lõpetas ta oma jutustuse täpselt samade sõnadega: „Vaat selline lugu, on see nüüd šotp'aws või on see *wanL*, midagi sellist.“

Olgu täpse žanrimääratlusega kuidas on, igal juhul on tegemist looga, mille Juri oli kunagi kuulnud oma naabrilt, vanalt A'ulilt ja osa sellest hiljem kirja pannud. Kuivõrd Juri ise nimetas seda lugu *wanL*'iks, võime vast selle nimetuse juurde jääda. Igal juhul on oluline mainida, et tegemist ei ole puhtalt Juri loodud ilukirjandusteose, vaid pigem tema poolt kirja pandud metsaneenetsi rahvapärimuse näitega.

Tähelapanuväärne on asjaolu, et Juri kirjapandud teksti ja suuliselt esitatud loo vahel on olulisi erinevusi. On raske hinnata, kas Juri on ise midagi juurde loonud või on tegemist tavapärase rahvaluules esineva variatiivsusega. Ega Juri jaoks ei olnud see vahe iseenesest oluline, ta ei näinud seda piiri nii teravalt.

Siinkohal loo lühikokkuvõte:

Elas kord hant, kes tegeles kalapüügiga. Püütud kalad pani ta kuivama. Ühel hommikul avastas hant, et keegi on käinud kuivama pandud kalu varastamas. Sama lugu kordus järgmisel hommikul. Hant paigaldas iselaskja ja järgmisel hommikul nägi, et see on kedagi tabanud. Hant läks veriseid jälgi pidi ja jõudis auguni maa sees. August sisse vaadates sai ta aru et vaatab sisse püstkoja suitsuavast. Püstkojas näeb ta haavatud vanameest, nool kintsus, kellele üks naine räägib, et inimeste toit on meile keelatud. Hant saab aru, et ta näeb teise ilma asukate elu, ehmub ja jookseb ära. Peale seda juhtumit tema kuivama pandud kalu enam keegi ei varastanud.

Juri Vella kirja pandud lõik sellest loost on osa, mida esitatakse retsiteerides. Retsitatiiv ei ole metsaneenetsi lugudes väga tavaline nähtus, kuid seda on ette tulnud ka mõnes teises jutustuses. Päris kindel selles teadaolevate tekstide vähesuse tõttu olla ei saa, aga meie kogutud andmete põhjal näib, et retsitatiivne esitusviis viitab alati millelegi üleloomulikule või teispoolsele. Retsiteerides räägivad meie salvestatud lugudes kas inimeste riideid kandvad täid, Õlpi-nimelised „kollid” või teise ilma asukad, nagu täna käsitletavas Juri Vella tekstis. Siinses loos kasutatakse retsitatiivi lõigus, mis kirjeldab teise ilma asukaid.

Lugu ise on omamoodi väike pilguheit metsaneenetsite maailma ja nende ettekujutusse teispoolsusest. Metsaneenetsite arusaam teisest ilmast on lihtsustatult öeldes

teatavat laadi Tagurpidi-Antsla, kus inimesed sünnivad vanana ja surevad noorena, söövad kõike, mida siinilma inimesed ei söö (tõugud ja ussikesed) jne. Peale teises ilmas „nooreks jäämist" sünnitakse taas tagasi siia ilma. Kõnealuse *wanL*'i moraal on see, et need kaks maailma on seatud koos eksisteerima nii, et kokkupuuteid nende vahel ei tohiks lubada – teise ilma asukad ajagu omi asju ja siinilma elanikud elagu oma elu ja ärgu otsigu kontakte teispoolsusega.

Tekstis leidub mõningaid jooni, mis viitavad vanale poeetilisele muinasjutukeelele. Näiteks läheb jutustaja vahetult enne retsitatiivis esitatavat lõiku üle minavormile, enne seda jutustab ta lugu kolmandas isikus. Minavorm on tavaline nähtus ka näiteks tundraneenetsi muinasjuttudes. Samuti on kohati kasutatud arhailisi grammatilisi vorme ja sõnavara ning poeetilisi metafoore, mida argikeeles igapäevaselt ei kohta.

Üks aspekt, millele tasub tänase teksti juures tähelepanu pöörata, on Juri Vella poolt kasutatav ortograafia. Juri neenetsikeelsete tekstide puhul tuleb silmas pidada, et enne tema katsetusi puudus metsaneenetsi kirjakeel peaaegu täielikult. Kunagi küsisin ühelt informandilt, kuidas ta üht kindlat metsaneenetsi sõna kirjutaks. Ta vaatas mulle väga üllatunult otsa ja vastas: „Pole aimugi, ma pole seda sõna kunagi kirjutanud." Tegemist ei olnud sugugi mitte kirjaoskamatu inimesega, aga neenetsite jaoks oli ja on nende oma keel peaaegu eranditult suulise suhtluse keel. Kirjutati ja loeti üksnes vene keeles. Juri proovis seda olukorda muuta, alustades sisuliselt nullist. Ta mõtles välja metsaneenetsi ortograafia, andis välja neenetsi ajalehte ja avaldas ka mitmeid neenetsikeelseid (ilu) kirjanduslikke tekste oma hilisemates raamatutes. Suuremat publikumenu sellega ei kaasnenud – inimesed polnud lihtsalt harjunud omakeelset teksti trükituna nägema, mistõttu Juri neenetsikeelsete tekstide lugejaid oli väga napilt.

Juri keeletaju oli haruldaselt hea ja ta muutis oma kirjaviisi mitmel puhul aja jooksul lihtsamaks. Ta taipas intuitiivselt, mis häälikud on puhtalt positsioonist tulenevad allofoonid ja kus on vaja eristada foneeme. Näiteks loobus ta kahe erineva märgi kasutamisest larüngaalklusiili märkimiseks ja loobus ka mõnest keerulisest erimärgist, kui ta aru sai, et nende kasutamine pole tegelikult vajalik. Tulemuseks oli lihtne ja selge ortograafia, mis kasutab väga vähe erimärke ja on seetõttu lihtsalt järgitav. Hiljem on ka teised autorid katsetanud Jurist sõltumatult metsaneenetsi kirjakeelega ja kõik muud ortograafiad on Juri Vella omaga võrreldes palju keerulisemad ja vähem fonoloogilised. Juri tekstid on loomulikult kõik kirjutatud tema koduses Varjogani murdes, mille ilmselt kõige iseloomulikum joon on silbialguse /j/ hääldamine *t'*-na.

Mõned tekstis esinevad mõisted:

kap'i – oleme selle tõlkinud „hant", ehkki selle sõnaga tähistavad metsaneenetsid kõiki mittevenelastest naaberrahvaste esindajaid. Kuivõrd suurem osa metsaneenetsite naabritest on handid, oleme jäänud selle tõlke juurde. Antud teksti tõlkides on ka Juri ise kasutanud vene keeles sõna „hant", aga sageli tõlkis ta seda sõna „инородец";

še"w šēsami – 'seitmekeelne'. Juri on ise tõlkinud selle kui „Õlpi", mis on tavaline nimetus erinevate üleloomulike „kollide" kohta. Õlpi esineb tegelasena paljudes muistendites;

tasa – pikk latt, millele kalad kuivama riputatakse.

kaiw´oš / *kīwi* – 'tabu, püha'. See termin tähistab asju või tegevusi, mis on puutumatud, samuti pühasid kohti või päevi.

Комментарий (Каур Мяги)

Название стихотворения на лесном ненецком языке звучит как «Ванд петяд», т. е. ’Отрывок из ванд’. Ванд – один из двух повествовательных жанров в традиции лесных ненцев, которые, как нам объясняли некоторые рассказчики, свидетельствуют о событиях, по крайней мере в своё время считавшихся правдивыми историями. Как правило, это истории, объясняющие, например, происхождение географических названий или описывающие другие аспекты жизни людей. Часто в этих историях присутствует поучительный аспект, к которому порядочному ненцу не мешало бы прислушаться. Другой жанр длинных историй – шотпявс, которые по-эстонски можно назвать сказками. Это истории, которые, по объяснениям лесных ненцев, выдуманы и не происходили на самом деле. Со временем границы между этими двумя жанрами стали очень размытыми, и сегодня нередко рассказчики заканчивают свои истории словами: «Ванд это или же шотпявс, просто рассказ о жизни людей». Когда Юрий Вэлла, находясь в Тарту, рассказал нам историю, которую мы сегодня обсуждаем, он закончил свой рассказ точно такими же словами: «Вот такая история, ванд это или же шотпявс, что-то подобное».

Каким бы ни был жанр, это история, которую Юрий когда-то услышал от своего соседа, старого Аули, и впоследствии записал её часть. Поскольку сам Юрий назвал эту историю ванд, то и мы можем придерживаться этого названия. В любом случае, важно отметить, что это не чисто художественное произведение, созданное Юрием, а скорее записанный им образец фольклора лесных ненцев.

Примечательно, что между текстом Юрия и устным рассказом есть существенные различия. Трудно судить, добавил ли Юрий что-либо от себя или это обычная для фольклора вариативность. Для Юрия разница сама по себе была не важна, он не ощущал границы так остро.

Вот краткое содержание этой истории:

Жил-был хант, который ходил на рыбалку. Пойманную рыбу он сушил. Однажды утром он обнаружил, что кто-то украл рыбу, которую он разложил сушиться. То же самое произошло и на следующее утро. Хант установил самострел и на следующее утро увидел, что стрела в кого-то попала. Он пошёл по кровавому следу и пришёл к отверстию в земле. Заглянув в дыру, он понял, что смотрит в дымовое отверстие чума. В чуме он видит раненого старика со стрелой в бедре, которому женщина говорит, что человеческая пища нам запрещена. Хант понимает, что видит жизнь обитателей другого мира, пугается и убегает. После этого случая никто не крал рыбу, которую он сушил.

Отрывок этой истории, написанный Юрием Вэллой, исполняется речитативом. Речитатив – не очень частое явление в рассказах лесных ненцев, но он встречается и в некоторых других рассказах. Из-за малого количества известных текстов нельзя быть абсолютно уверенным, но из собранных нами данных следует, что речитатив всегда указывает на что-то сверхъестественное или потустороннее. В записанных нами историях речитативом говорят вши, носящие человеческую

одежду, «чудовища» Ыльпи или жители другого мира, как в тексте Юрия Вэллы, который мы сегодня обсуждаем. В этом рассказе речитатив используется в отрывке, описывающем обитателей другого мира.

Сама история – это своего рода беглый взгляд на мир лесных ненцев и их представление о потустороннем мире. Говоря просто, представление о потустороннем мире у лесных ненцев – это вроде мира наоборот, где люди рождаются старыми и умирают молодыми, едят всё то, что не едят люди в нашем мире (личинки и червей) и т. д. «Становясь молодыми» в ином мире, люди снова рождаются в нашем. Мораль этой истории в том, что два мира созданы для сосуществования таким образом, чтобы не было контактов между ними – жители другого мира должны заниматься своими делами, а жители этого мира должны жить своей жизнью и не искать контактов с потусторонним.

В тексте встречаются некоторые особенности, указывающие на старый поэтический язык сказок. Например, непосредственно перед речитативом рассказчик переходит на первое лицо, а до этого повествует от третьего лица. Рассказ от первого лица также часто встречается, например, в сказках тундровых ненцев. Также иногда используются архаичные грамматические формы и лексика, поэтические метафоры, не встречающиеся в повседневном языке.

Один из аспектов данного текста, на который стоит обратить внимание, – это орфография, используемая Юрием Вэллой. Следует учитывать, что до его экспериментов письменный язык ненцев практически полностью отсутствовал. Однажды я спросил у одного из информантов, как бы он написал одно слово на лесном ненецком языке. Он посмотрел на меня с большим удивлением и ответил: «Понятия не имею, я никогда не писал это слово». Он не был неграмотным человеком, но для ненцев их язык был и остаётся почти без исключения языком устного общения. Писали и читали только по-русски. Юрий попытался изменить эту ситуацию, начав, по сути, с нуля. Он придумал орфографию для лесного ненецкого языка, издавал ненецкую газету и опубликовал несколько ненецкоязычных (художественных) текстов в своих книгах. Это не привлекло большой аудитории – люди просто не привыкли видеть печатные тексты на родном языке, поэтому читателей ненецких текстов Юрия было очень мало.

У Юрия было необычайно развито языковое чутьё, и со временем он несколько раз упрощал свою орфографию. Он интуитивно понимал, какие звуки являются чисто позиционными аллофонами, а где необходимо различать фонемы. Например, он отказался от использования двух разных знаков для обозначения гортанной смычки, а также от некоторых сложных специальных знаков, когда понял, что в их использовании нет особой необходимости. В результате получилась понятная орфография, в которой используется очень мало специальных знаков, и поэтому она проста в использовании. Впоследствии другие авторы также экспериментировали с письменным языком лесных ненцев, но все другие орфографии оказались гораздо сложнее и менее фонематичны, чем орфография Юрия Вэллы. Разумеется, все тексты Юрия написаны на его родном варьёганском диалекте, наиболее характерной чертой которого является произношение *j* в начале слога как [*t′*].

Некоторые термины, используемые в тексте:
kap'i – мы перевели это слово как хант, хотя именно им лесные ненцы называют все соседние нерусские народы. Поскольку большинство соседей лесных ненцев – ханты, мы придерживаемся этого перевода. Сам Юрий при переводе этого текста также использовал русское слово хант, но часто переводил его как инородец.
še"w šēsami – 'с семью языками'. Сам Юрий перевел его как Ыльпи, что является общим названием для различных сверхъестественных «чудовищ». Ыльпи встречается во многих преданиях.
tasa – длинная жердь, на которую подвешивают рыбу для сушки.
kaiw´oš / *kīwi* – 'табу, священный'. Термин обозначает неприкосновенные вещи или действия, а также священные места или дни.

Allikad / Источники

Vella Jurij 2004. *Fehér kiáltások*. Válogatta, szerkesztette és fordította Pusztay János. ·Szombathely: [Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola].

Vella, Juri 2009. *Räägi minuga*. [Tallinn]: Kirjastuskeskus.

Vella, Iouri 2011. Tryptiques et autres écrits. *Poésies ouraliennes* 3. Traduits par Eva Toulouze. Paris: ADÉFO.

Вэлла, Юрий 2020. *Ненецкий триптих*. – Стихи.ру; https://stihi.ru/2020/12/14/1803 (vaadatud 29.05.2024).

Sisukord / Оглавление

neenetsi	4
eesti	5
eesti (reaalune tõlge)	6
prantsuse	7
ungari	8
vene	10
vene (reaalune tõlge)	12
minu keeles	14
Kommentaar (Eva Toulouze)	15
Комментарий (Эва Тулуз)	19
Kommentaar (Kaur Mägi)	23
Комментарий (Каур Мяги)	25
Allikad / Источники	28